

О психологической категории рассудка

Н. Р. Сидоров

кандидат психологических наук, заведующий лабораторией психологических проблем детей с девиантным поведением Московского городского психолого-педагогического университета

Понятие рассудка, будучи «в ходу» у философов и этологов, остаётся мало наполненным научным содержанием от той общей психологии, которая ориентирована на исследование различных аспектов человеческой деятельности, человеческого сознания и личности. Да и вообще проблема сознания и целенаправленной сознательной деятельности в современной отечественной психологии полностью заслоняет собой проблему рассудка и целесообразного рассудочного поведения. Чаще всего рассудок попросту не выделяется как особенная психологическая категория. Особенности функции рассудка уже определили и описали этологи, но проблема состоит в том, чтобы понять, допустимы ли их подходы и выводы в сфере «человеческой» психологии. Положительный ответ на этот вопрос вызывает некоторое внутренне сопротивление, поскольку тогда придётся признать, что роль сознания в жизнедеятельности человеческих индивидов сильно преувеличена. С другой стороны, в той мере, в какой мы признаём человека существом природным, мы должны признать обоснованность претензий этологов на объяснения человеческих поступков. Та же категория — рассудок — занимает заметное место в гносеологии, но содержание данного понятия лежит здесь уже в совершенно иной плоскости. И кажется, что философское понимание рассудка находится ещё дальше от предметного поля естественнонаучной психологии, чем понимание рассудка этологами. Зато здесь рассудок определяется как нечто, присущее исключительно человеку разумному. В такой противоречивой ситуации появляется большой соблазн попытаться провести критический анализ этих двух подходов с позиций психологической науки, и ещё больший соблазн обосновать взгляд на оречевлённую рассудочность как на результат культурно-исторического развития «природного» человека.

Ключевые слова: рассудок, элементарная рассудочная деятельность, оречевлённая рассудочность, сознание, онтогенез сознания, уровни психической регуляции.

* * *

Этологи, обращаясь к анализу процессов жизнедеятельности высших животных, выделяют три основных типа их адаптивного поведения: 1) инстинкты; 2) поведение, сформировавшееся на основе обучения; 3) элементарная рассудочная деятельность. По ходу эволюции видов инстинкты и условные рефлексы, как типы приспособительного поведения, все больше уступают место рассудочности. При посредстве элементарной рассудочной деятельности «может осуществляться адаптивное поведение при первой встрече животного с многообразием внешнего мира. Основная особенность рассудка — эвристическая форма поведения» [7, с. 134]. Этот взгляд основывается на понятной логике и отражает наши представления об усложнении психики усложняющихся форм животных организмов, осваивающих все новые и сложнее организованные сферы обитания. Предметно-организованная среда наполнена случайностями именно в силу своей предметности, и потому для выживания в ней нужны максимально гибкие психические механизмы регуляции поведе-

ния. Элементарная рассудочная деятельность высших животных и является таким механизмом, который актуализируется, когда «не спасают» ни инстинкты, ни обученность.

В экстренно возникшей жизненно значимой ситуации нужна даже и не реакция на отдельный стимул, а целесообразное целостное действие, и понятно, что здесь включаются определенные интеллектуальные способности. З. А. Зорина и И. И. Полтаева подробно описывают проявления и характеристики интеллекта высших животных: обучаемость, изготовление и использование примитивных орудий, учет «эмпирических законов» и решение элементарных логических задач, оперирование пространственно-геометрическими свойствами предметов, экстренная интеграция ранее выработанных независимых навыков, обобщение и абстрагирование, способность к использованию символов, самоузнавание и «социальные знания» стайных животных. А в целом «для человекообразных обезьян характерно рассудочное поведение, включающее умение планировать, предвидеть, способность выделять промежуточные цели и искать пути их достижения, вы-

членять существенные моменты данной проблемы» [4, с. 58].

Правда, дальнейшие рассуждения приводят этих авторов к «изучению элементов сознания у животных» — именно так названа одна из глав книги «Элементарное мышление животных». Кажется, они не видят здесь грубейшей методологической ошибки, которая очевидна с позиций культурно-исторической концепции, и продолжают: «**Разум, разумное поведение** — синоним терминов “мышление” и “рассудочная деятельность”. Употребляется также и в более широком смысле как альтернатива инстинкта» [там же, с. 300]. То есть понятия «разум» и «рассудок», «мышление» и «сознание» каждое в отдельности не наделяются своими существенными чертами, но совокупно определяются как «не инстинкт».

Тем не менее, наличие специфической рассудочной деятельности животных — научно установленный факт. Это уже качественно иной уровень психических процессов по сравнению с ансамблем инстинктов или результатами предшествующего научения. Но абсолютизация этого факта приводит к абсурду. Например, Л. В. Крушинский писал: «... Дальнейшая дифференциация конечного мозга в процессе филогенетического развития приводит к тому, что элементарная рассудочная деятельность животных начинает играть все большую роль в их поведении. И, наконец, у человека рассудочная деятельность оказывается основным компонентом, определяющим его поведение» [7, с. 135–136]. И все — никакого сознания не нужно, коль скоро есть рассудок.

Поиски решения проблемы рассудка можно и нужно начинать в предметном поле этологии: в той мере, в какой человек есть природное, биологическое существо, рассудочность присутствует в активе и его психической деятельности тоже. Но как только мы сформулировали гипотезу о существовании рассудочности в роли одного из уровней *человеческой* психики, мы необходимо должны выйти за границы этологии.

Характерной чертой психики человеческих индивидов, безусловно, является наличие сознания, и дело за тем, чтобы в теоретическом анализе развести два этих психологических понятия: рассудок и сознание, — наделив каждое своими сущностными чертами. Этой проблемой были заняты (да и сейчас продолжают заниматься) многие философы. Первым из них надо бы назвать Иммануила Канта. Как известно, один из его основополагающих тезисов таков: природе человека присущи способности, делающие возможным восприятие явлений внешнего мира и «внутреннего чувства» и познание их. В связи с этим И. Кант различает три высшие познавательные функции человека: *рассудок, способность суждения и разум*. Каждая из функций несет свою, характерную только для нее нагрузку.

«Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцания и для подведения его под высшее

единство мышления» [5, с. 222] — таким вот образом связаны между собою человеческий рассудок и человеческий разум, сознание. (Мы преднамеренно представляем здесь два последних понятия как синонимичные, хотя, с нашей точки зрения, у каждого из них есть свои особенные черты.)

Функция рассудка в психическом отражении реальности, по Канту, состоит в упорядочении ощущений в соответствии с определенными априорными правилами организации чувственного материала. И первое из этих правил — осуществление синтеза многочисленных ощущений в одном созерцании: «*Связь многообразного... есть акт спонтанной способности представления, а так как эту способность в отличие от чувственности надо называть рассудком, то всякая связь... есть действительный рассудок, которое мы обозначаем общим названием синтеза*, чтобы этим также отметить, что мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами; среди всех представлений связь есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» [5, с. 100]. И далее: «... Не предмет заключает *в себе* связь, ... а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как способность а priori связывать и подводить многообразное [содержание] данных представлений под единство апперцепции» [5, с. 103].

Рассудок, способность суждения и разум наделены разными функциями, и в одной из своих поздних работ И. Кант иллюстрирует данное положение следующим образом. «Для слуги или для чиновника, выполняющего определенные распоряжения, достаточно иметь только рассудок. Офицер, которому для порученного дела предписано лишь общее правило и который должен сам решить, как ему поступать в том или ином случае, должен обладать способностью суждения; генерал, которому следует рассмотреть все возможные случаи и придумать для них правила, должен иметь разум. — Таланты, необходимые для этих различных положений, очень различны» [6, с. 247].

Очень интересными — в контексте нашего исследования — представляются взгляды Артура Шопенгауэра. По его мнению, посредством рассудка ощущения (комплексы ощущений) трансформируются в представления, презентующие субъекту восприятия предметы внешнего мира. «На этом дело рассудка и интуитивного познания оканчивается, и для этого не требуется никаких понятий и никакого мышления: вот почему этими представлениями обладают и животные. Коль скоро же на сцену выступают понятия, мышление, которому, разумеется, может быть приписана самостоятельность, — мы уже покидаем почву *наглядного* познания, и в сознание входит совершенно новый класс представлений, а именно — класс неинтуитивных, отвлеченных понятий: здесь уже действует *разум*, почерпывающий тем не менее все содержание своего мышления из предшествовавшего воззрения и сравнения его с другими воззрениями и понятиями» [15, с. 742].

Рассудок ориентирует животный организм в предметном мире, но, кроме того, — и это важный новый поворот в линии последовательных философских рассуждений — он организует активность и животных, и человека; рассудок на основании познания, как мотив, лежит в основе целесообразного поведения животных организмов, включая людей.

И еще один очень важный момент в философии А. Шопенгауэра: «Рассудок у всех животных и у всех людей один и тот же, всюду имеет одну и ту же простую форму — познание причинности, переход от действия к причине и от причины к действию, и больше ничего. Но степени его остроты и пределы его познавательной сферы крайне разнообразны и расположены по многообразным ступеням... Познание причины и действия, как общая операция рассудка, а *prigot* присуще даже животным; это вполне видно уже из того, что оно для них, как и для нас, служит предварительным условием для всякого наглядного познания внешнего мира...» [15, с. 105–110].

Итак, сущностная характеристика рассудка, по А. Шопенгауэру, состоит в *наглядном познании* высокоорганизованным организмом предметной среды так, как она дана ему «здесь и теперь», в выявлении причин непосредственно ощущаемых воздействий, в организации целесообразного поведения «согласно мотивам» в актуально складывающейся ситуации. У человека — и только у человека — рассудок составляет *первую степень познания*, к которой присоединяется рефлексия, разум как способность к оперированию отвлеченными понятиями.

Резюмируя этот беглый обзор взглядов двух выдающихся философов на интересующий нас предмет, можно нарисовать такую (очень грубую) схему.

1. Рассудок понимается как одна из способностей субъекта психической деятельности, будь то высокоорганизованное животное или человек.

2. Рассудочная деятельность:

а) презентует субъекту целостное восприятие актуально сложившегося предметного окружения, а также ближайших причин и ближайших следствий данной ситуации;

б) презентует это восприятие как субъективное переживание;

в) играет главную роль в организации актуально необходимого приспособительного поведения в предметном мире.

3. Человеческий рассудок непосредственно связан с другими, более высокого уровня способностями психической деятельности. Здесь в первую очередь подразумевается сознание.

* * *

Советские психологи, резко выступая против идеализма и сенсуализма, инициировали разработку концепции социально-культурной эволюции человеческой психики с акцентом на обусловленность человеческого сознания. Исторические причины, по

которым акценты были расставлены *именно так*, известны [2]. Но только из-за этого рассудок и рассудочная деятельность, повторю, оказались в глубокой тени сознания и сознательной деятельности. Более того: в отечественной психологии советского времени категория рассудка практически отсутствовала. Так, в двух фундаментальных работах, во многом определявших исходную позицию и направление последующих теоретических построений, а также интерпретацию результатов экспериментальных исследований: в «Основах общей психологии» С. Л. Рубинштейна [12] и в «Проблемах развития психики» А. Н. Леонтьева [9], — этой категории нет вовсе.

Тем не менее, есть веские основания выделять рассудок как психологический механизм организации повседневного приспособительного поведения человеческих индивидов для решения ими обыденных задач и достижения привычных целей в актуально (по ситуации) складывающихся условиях предметного и социального окружения. *Сознание* — так, как оно определяется в отечественной психологии, и прежде всего в теории деятельности, — на эту роль просто не подходит. Здесь надо понять одну очень важную вещь: теория деятельности — весьма продуктивная *философская* концепция, и понятие *сознания* — одно из центральных понятий этой теории — несет, в первую очередь, *философское* содержание. Алексей Николаевич сам замечает, что категории, посредством которых осуществляется анализ «поведенческих» процессов, не совпадают с категориями, посредством которых осуществляется анализ деятельности [8].

Именно по причине несовпадения единиц анализа и языка описания *поведения* и *деятельности* возникают очевидные сложности в интерпретации результатов конкретных психологических исследований. Например, А. В. Запорожец в монографии «Развитие произвольных движений» пишет: «Излагая и обсуждая материалы своего исследования, мы неоднократно возвращались к мысли, что произвольные движения человека суть движения сознательные. Однако из этого положения отнюдь не следует, что все в таких движениях сознательно и что они одинаково осознаются во всех генетических стадиях и на всех этапах формирования... Замечательно, что даже программа выполняемого действия... теряет сознательный характер и начинает выступать в форме особого состояния, в виде готовности действовать определенным образом и в определенном направлении. ... Такое состояние, или готовность к действию, называется в психологии *установкой*» [3, с. 189].

А. В. Запорожец отмечает, что в этом состоянии содержанием психического отражения субъекта деятельности являются не сами по себе предметы, их взаимные расположения или сущность, а отражение их по отношению к субъекту, его возможностям, потребностям и интересам, и далее он пишет: «С точки зрения Д. Н. Узнадзе, это отражение существенно отличается от сознательного отражения окружающих предметов (подчеркнуто мною. — Н. С.), данного нам

в форме восприятий, представлений или понятий» [3, с. 191].

У самого Д. Н. Узнадзе есть совсем уж замечательные для нашей темы слова: «Мы видим, что у человека имеется целая сфера активности, которая предшествует его обычной сознательной психической деятельности, и... без специального ее анализа было бы безнадежно пытаться адекватно понять психологию человека... Основное положение таково: возникновению сознательных психических процессов предшествует состояние, которое ни в какой степени нельзя считать непсихическим, только физиологическим состоянием. Это состояние мы называем *установкой* — готовностью к определенной активности, возникновение которой зависит от наличия следующих условий: от *потребности*, актуально действующей в данном организме, и от объективной *ситуации* удовлетворения этой потребности...» [13, с. 131].

Это очень важный момент, на который указывали и А. В. Запорожец, и Д. Н. Узнадзе: в экспериментах зафиксировано наличие такого уровня регуляции произвольной активности, который идет не от сознания, но от «не сознательного» психического отражения актуальной потребности, наличной ситуации и оценки собственных возможностей. По нашему мнению, это и есть рассудочный уровень психической регуляции деятельности.

На рассудочном уровне регуляции приспособительного поведения интегрируются многие разнообразные исходные данные: оценка ситуации, необходимость приспособления, параметры и возможности собственного организма, акцентор результата действия. Это многообразие и сложность исходных моментов, с одной стороны, и непредопределенность «ответа», с другой стороны, отличают рассудочный уровень регуляции от сколь угодно сложного условного рефлекса.

Однако очевидно, что кроме приспособительного поведения люди могут осуществлять и осуществлять так называемую надситуативную активность.

Если уровнем психической регуляции, лежащим «ниже» рассудочной деятельности, является уровень условных рефлексов, то «выше» рассудочности расположено сознание. Сознание — это уровень регуляции такой человеческой деятельности, которая направлена на проникновение в сущность вещей и явлений самих по себе, вне их непосредственного отношения к субъекту. Эрих Фромм замечает, что еще Фома Аквинский делал различие между разумом, который отвечает за действия и поступки, и разумом, который связан только со знанием. И он пишет далее: «Разум не только не заменяет инстинкты, но и здорово осложняет задачу *жить*. При этом я имею в виду не *инструментальный разум* (использование мышления для различных действий с объектами ради удовлетворения своих потребностей), ибо в данном отношении человек в конечном счете мало отличается от животных (например, приматов). Я имею в виду тот аспект мышления, благодаря которому человек приобретает совершенно новое качество — са-

мосознание. Человек — единственное живое существо, которое наделено не только предметным мышлением, но и разумом, т. е. способностью направить свой рассудок на объективное понимание, на осознание сущности вещей самих по себе, а не только как средства удовлетворения каких-то потребностей и нужд» [14, с. 292].

В отличие от сознания — высшей психической функции, ориентированной на познание мира в самом широком смысле этого слова, — рассудочный уровень регуляции жизнедеятельности вполне обеспечивает человеческому индивиду адекватное решение широкого круга задач, которые можно было бы обозначить одним общим словом — *обыденные* и при этом имеющие самое непосредственное отношение к *организации повседневной жизни*. Рассудок — в принципе — психическая функция, обеспечивающая носителю психики организацию адекватного приспособительного поведения в наличных и ближайших к ним условиях.

Сознание и рассудок — два различных уровня психической регуляции человеческой активности, они «для разного».

Сознание — специфическая функция психики социализированных человеческих индивидов, пребывающих в пространстве культуры и реализующих надситуативную активность. Сознание обуславливает потенциальную способность человека к созданию новых сущностей, включая идеи, образы, проекты предметной среды и проекты технологий. Важнейшей характеристикой человеческих индивидов, обладающих сознанием, является их способность ориентироваться в знаковых системах и оперировать ими. В плане сознания индивид посредством мышления выстраивает свой образ мира и проникает «в сущность вещей самих по себе». Строго говоря, работу сознания нельзя считать *поведением*, а приписывать сознанию функцию организации локомоций означает лишать его человеческой специфики.

Рассудок же обеспечивает функционирование тех структурных элементов человеческой деятельности, которые непосредственно связывают действующего человека с его предметным окружением, обеспечивает целесообразность отдельного действия или последовательности действий в непосредственно данных условиях, «здесь и теперь». Рассудок порождает и регулирует «живое движение».

Рассудок как функция *человеческой* психики характеризуется в первую очередь тем, что он *оречевлен*, как и другие функции человеческой психики [1]. А это значит, что человека ориентируют и вводят в круг обстоятельств, непосредственно определяющих способы его действия, уже не только чувственное восприятие особенностей предметного окружения, но и воспринятое им понятие. Этим самым обеспечивается адекватное поведение человека не только в предметной, но и социальной среде. Такие особенности человеческого рассудка сформировались в результате процессов культурно-исторического порядка. Человеческое сознание трансформирует «при-

родные» функции психики, «очеловечивая» их. То же произошло и с рассудком как одной из психических функций. Правда, оречевленность рассудка делает для нас трудно различимыми сам рассудок и сознание.

Тесная связь этих двух уровней психической регуляции человеческой деятельности обеспечивается не только единством их «языка», но еще и тем, что за непосредственной «поверхностью» *явленности* предметного окружения (на уровне рассудка) усматриваются — было бы желание — и значения в понятийной форме, и общественные отношения, и история культуры (на уровне сознания).

Вообще необходимость выделения рассудка в качестве особенной психологической категории проистекает как из существующих теоретических проблем и спекуляций, так и из эмпирических наблюдений.

Например, принимая положение о прижизненном формировании плана сознания, мы тем самым молчаливо допускаем, что на разных этапах онтогенеза сознание ребенка оказывается по-разному «недостроенным». Но это не делает ребенка дезориентированным в его предметном и социальном окружении. Бедность его сознания не означает, что его поведение нецелесообразно и тотально неадекватно. Просто в этом случае ведущая роль в психической деятельности принадлежит рассудочному уровню регуляции. И тогда мир представлен ребенку своей предметной, *явленной* стороной.

Для проверки этой частной гипотезы мы попросили учеников с 5-го по 11-й класс двух московских школ написать маленькое сочинение на тему: «Злой человек... Какой он?».

Пятиклассники пишут (самые грубые орфографические ошибки в этих выдержках исправлены): «Злой человек — который дерется, обзывается, хмурым, не культурный». «Человек может быть доведен до предела. Или быть злым патомучто его очень рано подняли и не дали поспать». «Злой человек выглядит сердито, может быть тощий, он ходит в черном, у него всегда нахмурены брови. Он бубнит все время под нос и мстит всем! Он издевается надо всеми!». «Он злой человек потомучто пристаёт ко всем и дерется со всеми. У него короткие волосы, высокий рост это Глеб». «Он злой потому что он постоянно дерется без причины. У него злые глаза. Он очень агрессивен. [Следующее предложение зачеркнуто. — Н. С.] ~~Но я думаю он нормальный просто дерется, чтобы привлечь внимание других.~~ Человек неприятный. Он лезет ко всем драться». «Злой человек наглый. Он хамит всем подряд и всех ненавидит. К нему подойдешь, а он стукнет тебя. Всем преподавателям говорит про своих врагов пакости. Обзывается на всех. Ко всем учителям подлизывается. Она не красивая и с причудами». «Злой человек на всех злой, он все время делает гадости, у него мало друзей, он грубый, жадный, все время забирает или крадет вещи, обзывается, неучит уроки». «Злой человек для меня это мама она постоянно кричит на меня. Но сейчас мамы дома нет я рад. Но иногда она добрая и с ней очень весело».

Одиннадцатиклассники: «Злой человек любит издеваться над людьми, унижать их. Жестокий, грубый, завистливый, его бесят все окружающие... Такие люди в принципе встречаются редко, т. к. хоть одно хорошее качество есть в каждом человеке». «Не старается понять других людей. Его не волнуют чувства, переживания близких. Он никогда не будет задумываться над тем, что своими словами или поступками он делает другому человеку больно...». «Мне кажется, однозначно нельзя сказать злой ли, добрый ли человек. Все зависит от поступков, которые совершает этот человек, от отношения этого человека к другим людям, в конце концов от сознания, от восприятия характера этого человека другими людьми... В сущности, все зависит от мировоззрения». «... Я бы сказала, что одним этим словом мы заменяем множество других, более сложных: циничный, эгоистичный, принципиальный, самовлюбленный, жестокий и т. д. Есть человек не злой, а озлобленный. С измененным чувством справедливости, возможно, с поврежденной психикой». «... Можно предположить, что злой человек тот, кто не различает границ между поступками, достойными уважения, и теми, которые следует избегать. Злой человек будет добиваться своей цели, не смотря ни на что, то есть, в его понятии не существует каких-либо моральных ограничений».

По-моему, разница очевидна. Состоит она в первую очередь в том, что пятиклассники описывают особенности и характерные черты какого-то конкретного человека, живущего рядом, «здесь и теперь», а одиннадцатиклассники — некоторую абстрактную категорию в связи и в системе с другими абстрактными категориями.

Пятиклассники — или большинство из них — хорошо поняли задание: описать злого человека «вообще». Но при этом они, тем не менее, формируют свои описания на основе комплекса конкретных чувственных восприятий. В этом смысле весьма показательно зачеркнутое предложение в одном из сочинений: ученик вычеркнул свои мысли по поводу какого-то конкретного «его», чтобы подняться до обобщений. Или вот это, вырвавшееся уже после обобщений и почти случайное: «...Она не красивая и с причудами».

В этих сочинениях два способа формирования суждений: один — на основе анализа чувственных данных, рассудочный, и другой — на основе сознания с его абстракциями и схемами. А еще — масса переходов в сочинениях детей 7–9-х классов.

В связи с теоретическими вопросами можно указать, например, на недавнюю работу А. М. Полякова. Он обращает наше внимание на не совсем новую идею неоднородности человеческого сознания: в последнем выделяются бытийный и рефлексивный слои. Автор пишет: «Каждый слой сознания оперирует своими специфическими средствами: бытийный — чувственными образами и движениями, рефлексивный — знаками (моделями, кодами и др.)...» [10, с. 140]. Неоднозначность свойств сознания, по-

казанная даже в этом маленьком отрывке, по существу порождает нечеткость формулировок со всеми вытекающими отсюда последствиями. В данном же случае скорее надо говорить о регуляции жизнедеятельности на рассудочном уровне, где перцепция составляет ориентировочную основу построения приспособительных локомоций (движений), и регуляции на уровне собственно сознания, где ведущая роль принадлежит моделям, кодам, знаковым системам и тому подобным нечувственным системам.

В контексте настоящей статьи большой интерес представляет работа А. О. Прохорова по проблеме рефлексии времени. Он пишет: «При упорядочивании функций психических состояний в пространственно-временной и информационно-энергетической координатах нами выделены следующие структуры. В отрезке **актуального времени** (с—мин), связанном с ситуацией, психические состояния служат связующим звеном между процессами и свойствами личности, обуславливая адекватную реакцию на ситуацию (подчеркнуто мною. — Н. С.). В диапазоне **текущего времени** (час—день), связанном с деятельностью и социальной функцией, психические состояния обеспечивают интегрирующую функцию, формируя «психологический строй» личности, овладение способами и приемами саморегуляции, участвуют в формировании и закреплении психологической структуры личности...» [11, с. 39]. Так вот рассудок, если использовать терминологию А. О. Прохорова, функционирует в отрезке актуального времени, сознание — в отрезке времени текущего и длительного (месяц — год и более).

Практика работы с девиантными подростками дает массу примеров таких их проступков, в которых очевидна непосредственная, часто импульсивная реакция на ситуацию, складывающуюся «здесь и теперь», без какого-либо анализа подростками контекста происходящего. То есть в совершенном ими проступке никакого злого умысла не было: *там вообще никакого умысла не было*. И только потом, при разбо-

ре обстоятельств и последствий нарушения выясняется, что подростки способны осознать совершенный проступок и предложить более приемлемые, с социальных позиций, варианты выхода из проблемной ситуации. Снижение регулирующего влияния сознания на разворачивающуюся жизнедеятельность подростков, характеризующихся устойчивым девиантным поведением, проявляется не только в снижении их способности к контекстному анализу актуальной ситуации, но и в качественном изменении их самосознания, в приоритете удовлетворения возникшей и переживаемой ими сейчас потребности, в значимом снижении уровня саморегуляции деятельности по сравнению с поведением их просоциальных сверстников. А в целом снижение регулирующего влияния сознания едва ли не автоматически делает рассудок ведущим регулятором поведения. В этом случае есть предметное окружение, к элементам которого надо либо приспособиться, либо как-то преодолеть, если хочешь добиться желаемого. И тогда все живое, включая людей, воспринимается не иначе и не более как элементы предметного окружения.

И последнее. Мы постоянно противопоставляем продуктивность (активность) *сознательного* репродуктивности (реактивности) *несознательного*. Но если вслед за Л. В. Крушинским примем положение о принципиальной эвристичности рассудочной деятельности, тогда можно смело выдвигать гипотезу о филогенетической преемственности *продуктивного сознательного* от *продуктивного несознательного*.

В любом случае выделение рассудка как одного из уровней психической регуляции человеческой деятельности представляется не бесосновательным, а исследование особенностей его функционирования — интересным с теоретической точки зрения и имеющим определенную практическую значимость. Например, мы предполагаем, что одной из психологических предпосылок девиантного поведения несовершеннолетних является снижение регулирующей роли сознания.

Литература

1. Веккер Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 2000.
2. Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения / Выготский Л. С. Психология развития человека. М., 2004.
3. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. II. Развитие произвольных движений. М., 1986.
4. Зорина З. А., Полетаева И. И. Элементарное мышление животных: Учебн. пособие. М., 2002.
5. Кант И. Критика чистого разума. СПб., 2008.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб., 2002.
7. Крушинский Л. В. Биологические основы рассудочной деятельности: Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения. М., 2009.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
9. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
10. Поляков А. М. Понятие и структура символической функции сознания // Журн. практического психолога. 2011. № 2.
11. Прохоров А. О. Рефлексивный слой психического состояния // Мир психологии. 2006. № 2.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989.
13. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб., 2001.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2007.
15. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Афоризмы и максимы. Новые афоризмы. Мн., 1999.

On the Psychological Category of Reason

N. R. Sidorov

PhD in Psychology, Head of the Laboratory for Psychological Problems of Children with Deviant Behaviour,
Moscow State University of Psychology and Education

The concept of reason, although commonly used by philosophers and ethologists, is still underdeveloped within the framework of general psychology aimed at exploring various aspects of human activity, human consciousness and personality. It is also true that in modern Russian psychology the problem of consciousness and purposeful conscious activity has completely ousted the problem of reason and rational, reasonable behaviour. For the most part reason is not considered a separate psychological category. Specific functions of reason have already been defined and described by ethologists, but the problem is to find out whether their approaches and conclusions can be applied within «human» psychology. A positive answer to this question can be greeted with some inner antagonism, because we shall then have to admit that the role of consciousness in human life activities is highly overrated. On the other hand, in the extent to which we consider humans creatures of nature, we must admit that ethologists' claims for the explanation of human behaviour are reasonable enough. This very category of reason occupies a significant place in epistemology. And although its content lies in an absolutely different area, making us think that the philosophical understanding of reason is even more distant from scientific psychology than that of ethologists, here reason is defined as something that is characteristic exclusively of Homo sapiens. Taking into account these contradictions, one is easily tempted into attempting to critically review these two approaches from the perspective of psychological science and, even more, to prove verbal reason a result of cultural-historical development of Homo «natural».

Keywords: reason, simple reason activity, verbal reason, consciousness, ontogenesis of consciousness, levels of mental regulation.

References

1. *Vekker L. M.* Psihika i real'nost': Edinaya teoriya psicheskikh processov. M., 2000.
2. *Vygotskii L. S.* Soznanie kak problema psikhologii povedeniya / Vygotskii L. S. Psikhologiya razvitiya cheloveka. M., 2004.
3. *Zaporozhec A. V.* Izbrannye psikhologicheskie trudy: V 2 t. Razvitie proizvol'nyh dvizhenii. M., 1986. T. 2.
4. *Zorina Z. A., Poletaeva I. I.* Elementarnoe myshlenie zhivotnyh: Uchebn. posobie. M., 2002.
5. *Kant I.* Kritika chistogo razuma. M., 1994.
6. *Kant I.* Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya. SPb., 1999.
7. *Krushinskii L. V.* Biologicheskie osnovy rassudochnoi deyatel'nosti. M., 1977.
8. *Leont'ev A. N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1975.
9. *Leont'ev A. N.* Problemy razvitiya psihiki. M., 1981.
10. *Prohorov A. O.* Refleksivnyi sloi psicheskogo sostoyaniya // Mir psikhologii. 2006. № 2.
11. *Rubinshtein S. L.* Osnovy obshei psikhologii: V 2 t. M., 1989.
12. *Uznadze D. N.* Psikhologiya ustanovki. SPb., 2001.
13. *Fromm E.* Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M., 2007.
14. *Shopengauer A.* Mir kak volya i predstavlenie. Aforizmy i maksimy. Mn., 1999.